

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Малькова Яна Владимировна

**РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА
СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕПРИЯТИЯ, ОТТОРЖЕНИЯ:
СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН **Березович Елена Львовна**

Официальные оппоненты: **Коновалова Надежда Ильинична**, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург), профессор кафедры общего языкознания и русского языка;
Якушкина Екатерина Ивановна, доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», доцент кафедры славянской филологии;
Русинова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Защита состоится «2» марта 2023 г. в 11-00 на заседании диссертационного совета УрФУ 5.9.07.19 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=4305>

Автореферат разослан «__» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обращение к изучению русской диалектной лексики со значением неприятия, отторжения позволяет реконструировать народные представления о личных свойствах человека – члена традиционного крестьянского социума, его эмоциональном мире, об особенностях взаимодействия с другими людьми, о социокультурных правилах и нормах сообщества, которые могут определять возникновение тех или иных негативных реакций, с одной стороны, и регулировать их – с другой. Важным аспектом исследования становится рассмотрение преломляющегося в языке отношения носителей традиционной культуры к неприятию, отторжению и проявлению этих эмоций в поведении.

Реферируемая диссертация посвящена изучению значимых для народного языкового сознания лексических единиц с семантикой негативного отношения к кому-чему-л., которые составляют лексические множества «Отвращение», «Неприязнь», «Вражда». Обращение именно к этим множествам связано с их значительной наполненностью лексическим материалом (недостаточно изученным в этимолого-мотивационном отношении). С другой стороны, лексика, образующая каждое из множеств, обладает определенной спецификой, и это позволяет рассмотреть разные грани негативного отношения к кому-чему-л.

Настоящая работа выполнена на пересечении таких областей языкознания, как этимология (семантическая реконструкция) и этнолингвистика. В современной этимологии для автора данной диссертации наиболее значимы труды тех исследователей, которые особо выделяют роль семантического анализа при этимологизации слов и работают, в числе прочего, на диалектном материале, – А. Е. Аникина, Н. П. Антропова, М. Белетич, Е. Л. Березович, Ж. Ж. Варбот, Л. П. Дроновой, А. В. Дыбо, А. Ф. Журавлева, А. Ломы, Л. Кралика, Л. В. Куркиной, А. К. Матвеева, В. А. Меркуловой, О. В. Мищенко, И. И. Муллонен, С. А. Мызникова, И. П. Петлевой, С. М. Толстой, В. Н. Топорова, Л. И. Шелеповой, М. Якубович, И. Янышковой и др.

Среди представителей этнолингвистики, занимающейся изучением связи языка и духовной культуры народа, языка и народной картины мира, можно назвать таких ученых, как Т. А. Агапкина, Е. Бартминьский, О. В. Белова, Е. Л. Березович, Т. Н. Бунчук, Т. И. Вендина, А. В. Гура, Г. И. Кабакова, Н. И. Коновалова, Т. В. Леонтьева, А. Б. Мороз, И. А. Морозов, С. Небжеговска-Бартминьска, И. А. Подюков, А. А. Плотникова, И. И. Русинова, И. А. Седакова, М. Э. Рут, С. М. Толстая, Н. И. Толстой, В. Хлебда, А. В. Юдин, Е. И. Якушкина и др.

Исследования, совмещающие в той или иной степени этнолингвистический и этимологический подходы, характерны для

представителей Уральской школы этимологии, ономастики и этнолингвистики, созданной А. К. Матвеевым. Среди ее современных представителей Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко, Е. О. Борисова, А. А. Едалина, М. А. Еремина, Е. Э. Иванова, Н. В. Кабинина, Ю. А. Кривошапова, В. С. Кучко, Т. В. Леонтьева, А. А. Макарова, О. В. Мищенко, О. В. Моргунова (Атрошенко), К. В. Осипова (Пьянкова), Ю. Б. Попова (Воронцова), М. Э. Рут, Н. А. Сеница, О. Д. Сурикова, А. В. Тихомирова, Л. А. Феоктистова, Е. В. Шабалина и др. К этой школе принадлежит и автор настоящей диссертации.

Объект исследования – русские диалектные лексемы и фразеологизмы со значением отвращения, неприязни, вражды.

Предмет анализа – реконструируемые семантико-мотивационные связи рассматриваемых единиц и заключенная в них информация этнолингвистического характера.

Цель работы – осуществить семантико-мотивационную и этимологическую реконструкцию лексических единиц со значением отвращения, неприязни, вражды в русской диалектной лексике, на основании чего охарактеризовать соответствующий фрагмент традиционной языковой картины мира.

Для достижения цели ставятся следующие **задачи**:

1) сформулировав критерии, определяющие принадлежность лексических единиц к выбранным для анализа лексическим множествам, осуществить сбор русской диалектной лексики и фразеологии со значением отвращения, неприязни, вражды (по опубликованным диалектным словарям русского языка и неопубликованным полевым картотекам);

2) на основании семантического анализа собранного материала определить компоненты прототипической ситуации отвращения, неприязни, вражды и охарактеризовать особенности их воплощения в лексическом материале;

3) классифицировать собранные лексические единицы по тематико-мотивационным группам в рамках каждого лексического множества;

4) дать семантико-мотивационный комментарий к анализируемым словам и фразеологизмам, при необходимости привлекая этимологические справки;

5) осуществить семантико-мотивационную и этимологическую реконструкцию «темных» языковых фактов;

6) произвести этнолингвистическую интерпретацию изучаемого материала, направленную на реконструкцию соответствующего фрагмента языковой картины мира.

Фокус работы сосредоточен на выявлении мотивационного своеобразия лексики со значением неприятия, отторжения. Среди

процедур и методов исследования основное место занимают семантико-мотивационная реконструкция лексики и этимологический анализ.

Материалом для настоящего исследования послужила русская диалектная лексика и фразеология. В некоторых случаях привлекались факты литературного языка, а также единицы просторечия и жаргона, когда это требовалось для прояснения мотивационных отношений или проведения параллелей между лексикой разных форм существования языка.

Источниками лексического материала выступили десятки диалектных словарей русского языка. Базовый источник при этом – «Словарь русских народных говоров», где был произведен фронтальный поиск материала. Особое внимание также было уделено словарям, фиксирующим говоры Русского Севера («Словарь вологодских говоров», «Архангельский областной словарь», «Словарь говоров Русского Севера» и др.); использовалась также неопубликованная лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ, в работе которой неоднократно принимал участие автор диссертации (полевые выезды в Вологодскую и Костромскую области).

Кроме того, привлекались к исследованию такие значимые лексикографические источники, как «Новгородский областной словарь», «Областной словарь вятских говоров», «Псковский областной словарь», «Словарь брянских говоров», «Словарь орловских говоров», «Словарь пермских говоров», «Словарь русских говоров Алтая», «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия», «Словарь русских говоров Сибири», «Словарь русских говоров Среднего Урала», «Словарь смоленских говоров», «Ярославский областной словарь», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и т. д.

Степень разработанности темы исследования определяется корпусом работ, посвященных изучению лексики с семантикой неприятия, отторжения и близких смысловых областей:

– труды по семантическому анализу лексики со значением отвращения, неприязни, вражды (В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, А. А. Байдина, Л. И. Бакуменко, С. В. Балакин, А. Е. Вакалова, С. В. Владимирова, Р. В. Гатауллина, Е. Ф. Жукова, Л. Р. Исламова, А. Е. Коляда, О. Ю. Лукашкова, О. М. Лунцова, И. В. Новицкая, О. В. Томберг, С. В. Филиппова, Л. Г. Чумарова, А. А. Ярхамова);

– работы, где изучается отражение различных эмоциональных состояний в языке (Е. Л. Березович, Т. В. Булыгина, И. А. Гусейн-Заде, П. С. Дронов, Г. И. Кабакова, А. Д. Шмелев);

– исследования, в которых выстраивается общая лингвистическая теория эмоций (В. Ю. Апресян, Л. Г. Бабенко, М. А. Буряков, А. Вежбицкая, Анна А. Зализняк, Н. А. Красавский, Н. А. Лукьянова, Т. В. Матвеева, Е. Ю. Мягкова, З. Е. Фомина, В. И. Шаховский);

– труды, посвященные языковому представлению различных поведенческих реакций, которые соотносятся с эмоциональным миром человека, и проблеме допустимости / недопустимости в культуре тех или иных типов поведения (В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, А. К. Байбурин, Н. В. Григорьев, С. А. Григорьева, Ю. Н. Ильина, А. Д. Козеренко, Н. А. Красовская, Г. Е. Крейдлин, Т. В. Крылова, А. Н. Кушкова, Н. Б. Мечковская, Е. Б. Морозова, С. И. Переверзева, А. В. Рачковская, А. Л. Топорков, Н. И. Формановская, А. В. Хелемендик);

– работы, где изучается специфика межличностного взаимодействия в традиционном социуме в плане ее отражения в языке (Е. Л. Березович, М. А. Еремина, Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина).

Актуальность темы исследования связана с недостаточной изученностью русской диалектной лексики, обозначающей неприятие, отторжение, в то время как этимологический и этнолингвистический анализ этого лексического массива позволит увидеть, как народный язык подходит к концептуализации социально значимых ценностей (через антиценности).

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые комплексно проанализирована русская диалектная лексика с семантикой отвращения, неприязни и вражды с точки зрения семантико-мотивационных отношений и этнолингвистического своеобразия. Выявлены основные мотивационные модели рассматриваемой лексики, предложена этнолингвистическая интерпретация полученных результатов. Осуществлена семантико-мотивационная и этимологическая интерпретация ряда «темных» языковых фактов. В научный оборот введен новый диалектный материал, в том числе собранный в полевых условиях при участии автора.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные в ней выводы вносят вклад в такие области науки, как этнолингвистика, лингвистическая аксиология, семантическая реконструкция и этимология, русская диалектная лексикология. В исследовании апробирована методика семантико-мотивационной реконструкции лексики с абстрактной характеризующей семантикой, которая может быть применена к другим лексическим множествам с аналогичными характеристиками.

Практическая значимость работы определяется возможностью использовать представленный материал и полученные выводы в вузовских курсах этнолингвистики, диалектологии, этимологии, а также при лексикографической интерпретации диалектной лексики в толковых, идеографических, этнолингвистических словарях.

Степень достоверности результатов определяется достаточным объемом рассмотренного лексического и фразеологического материала (более 1500 единиц); использованием адекватных поставленным целям и задачам методик анализа, которые позволяют охарактеризовать избранные

для изучения языковые данные в семантико-мотивационном и этнолингвистическом ключе; привлечением связанных с проблематикой диссертационного исследования трудов по этнолингвистике, семантике, диалектной лексикологии, этимологии, семантико-мотивационной реконструкции, этнографии.

Апробация результатов исследования. Основные положения настоящего диссертационного сочинения были изложены в докладах автора на международных научных конференциях «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2019, 2022), «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, 2020), «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Москва, 2021), «И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казань, 2021), на всероссийской научной практической конференции «Свое – чужое: опыт культурного взаимодействия» (Усолье, Пермь, 2020), на международном научном семинаре «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (Екатеринбург, 2020). По теме исследования опубликовано 16 работ, из которых 8 – в журналах, рекомендованных ВАК.

Личный вклад автора в настоящее диссертационное сочинение заключается в формулировке целей и задач исследования, определении методик анализа, сборе необходимого материала, проведении исследования, формулировке выводов.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Общий объем работы – 217 страниц.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русская диалектная лексика со значением неприятия, отторжения включает в себя большое число слов и устойчивых сочетаний, при этом значимую роль в ее составе играют лексические множества «Отвращение», «Неприязнь», «Вражда». Они объединяют лексические единицы, в основе которых понятия, являющиеся релевантными для народного языкового сознания и позволяющие восстановить фрагмент традиционной картины мира, связанный с негативным отношением к кому-чему-л., причем негация носит преимущественно социально опосредованный характер.

2. Выявляются закономерности в количественном наполнении лексических множеств, обозначающих отвращение, неприятие и вражду. Наиболее разработанной является группа лексики отвращения, меньшее число языковых фактов приходится на слова со значением неприязни и вражды. С одной стороны, это объясняется меньшей актуальностью дискурса вражды в социально однородном, ориентированном на совместную трудовую деятельность традиционном обществе. С другой стороны, преобладание лексики со значением отвращения обусловлено еще и тем, что эти слова соотносятся с некоторыми ситуациями, имеющими особую культурную значимость.

3. Лексика неприятия, отторжения в диалектах обладает привязкой к определенным социальным и поведенческим сценариям: отвращение в наибольшей степени проявляется в ситуациях гощения, приема пищи, поведения в быту; вражда чаще всего обнаруживается в ситуации соперничества в любви.

4. Выделяется девять тематико-мотивационных групп, с помощью которых в русских диалектах концептуализируется идея неприятия, отторжения: «Соматика и перцепция», «Эмоциональный, психический мир человека; поведение», «Социальная жизнь», «Общая оценка», «Физические положения и перемещения», «Материальный и духовный мир», «Общие свойства тел и веществ», «Животный мир», «Природные явления и объекты». Данные группы заполнены неравномерно – в зависимости от специфики представлений об отвращении, неприязни, вражде в языковом сознании носителей языка. Например, тематико-мотивационная группа «Природные явления и объекты» содержит наибольшее число языковых фактов в рамках лексического множества «Отвращение», что объясняется «физиологичностью» этого ощущения; через природные (в частности, метеорологические) образы может передаваться информация о самочувствии человека или информация об объектах неприятия. Для наименования менее «физиологичных» ощущений, неприязни и враждебности, образы из данной тематико-мотивационной группы менее характерны.

5. В рамках лексики неприятия, отторжения реализуются устойчивые мотивы в репрезентации соответствующих смыслов: это мотивы ощущения физического дискомфорта, поведенческого выражения внутреннего состояния, причинения вреда объекту неприятия, прерывания с ним контакта, мотив его чуждости.

6. Последовательное рассмотрение семантико-мотивационных моделей, действующих в рамках лексики со значением неприятия, отторжения, регулярное обращение к информации этнокультурного характера позволяет осуществить семантико-мотивационную и этимологическую интерпретацию ряда «темных» слов, например, волог. *бóдриться* 'пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением', калуж. *кóбзовать* 'брезговать', курск., калуж., ворон. *несую́тный* 'недружный, несогласный', пск., твер. *побро́дливый* 'пакостный, мерзкий, отвратительный', прибайкал. *подсеву́ха* 'человек, любящий сеять раздор, вражду', пск., твер. *посви́рывать* 'привередничать, брезговать', ленингр. *ра́чить* 'брезговать', дон. *скабе́жливый* 'брезгливый', волог. *ха́рмовать* 'брезговать', костром. *чувы́риться* 'брезговать, отказываться от еды', костром. *чупы́риться* 'брезговать едой', морд. *шóбраский* 'недоброжелательный, вредный' и др.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** приводятся объект, предмет, цель и задачи работы. Обосновывается актуальность исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Дается краткий обзор литературы по теме диссертации. Характеризуются принципы отбора материала, называются источники лексических и фразеологических фактов. Описываются ключевые процедуры и методы исследования со ссылками на соответствующую литературу. Представляется структура работы.

Первая глава «Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значением отвращения» посвящена рассмотрению и описанию лексического множества «Отвращение» с точки зрения происхождения входящих в него лексем и интерпретации полученных результатов в этнолингвистическом ключе.

В первом параграфе главы, который озаглавлен **«Прототипическая ситуация отвращения и ее языковое воплощение»**, содержится представление исследуемого в работе языкового материала. Подача лексики в соответствии с происхождением не дает читателю знания, как тот или иной фрагмент языковой системы являет себя в действительности. Такой исследовательский инструмент, как прототипическая ситуация, позволяет чуть ближе подойти к демонстрации того, как носители языка воспринимают данный фрагмент языковой системы.

Прототипическая ситуация в настоящем исследовании выделяется логическим путем с верификацией полученного сценария на основе языковых данных, а именно на базе дефиниций рассматриваемых лексем в диалектной лексикографической литературе. Таким образом, имеется в виду некий фрагмент действительности, который стоит за изучаемой лексикой и отражается в языке.

Поиск диалектных лексем осуществлялся с опорой на слова литературного языка, которые воплощают искомые смыслы, а именно *брезгливый, брезговать, гадкий, гадливость, гадливый, гадость, мерзкий, мерзко, мерзость, неприятно, неприятный, омерзение, отвратительно, отвратительный, противно, противный*.

В рамках лексического множества «Отвращение» диалектный языковой материал распределяется по таким компонентам прототипической ситуации, как «эмоциональное состояние субъекта, т. е. собственно ощущение отвращения» (забайкал. *мы́рдить* ‘брезговать’, влад., яросл. *морго́тит* ‘противно, неприятно, не нравится кому-л.’), «субъект эмоционального отношения» (смол. *грéблiвень* ‘брезгливый, привередливый человек’, новг. *норно́й* ‘брезгливый’), «объект эмоционального отношения» (ряз., новг., пск., ленингр., арх. *касть* ‘о чем-

л., вызывающем отвращение, гадливое, неприятное чувство’, перм. *кобь* ‘погань, гадость’), «поведенческое выражение эмоционального отношения» (яросл. *прётко* ‘брезгливо’, арх. *брызгаться* ‘выражать отвращение’), «взаимодействие субъекта и объекта ощущения» (перм. *пахнуть чёртом* ‘вызвать у кого-л. брезгливое чувство’, карел. *воспрепятствовать* ‘вызывать чувство отвращения и страха’).

Второй параграф «Мотивационный анализ лексики со значением отвращения» наиболее объемный, он содержит в себе основные исследовательские процедуры и результаты изучения лексики с соответствующей семантикой. Все языковые факты, являющиеся предметом рассмотрения в работе, распределяются по тематико-мотивационным группам. Тематико-мотивационные группы понимаются как результат классификации лексики с точки зрения происхождения, при этом базовое деление соответствует предметно-тематическому коду; внутри же предметно-тематических кодов выделяются подгруппы, в которых лексические факты объединяются на основании общего мотивационного признака. В рамках лексического множества «Отвращение» были выявлены такие тематико-мотивационные группы (далее – ТМГ), как: 1) «Соматика и перцепция», 2) «Эмоциональный, психический мир; поведение»; 3) «Общая оценка»; 4) «Физические положения и перемещения»; 5) «Материальная и духовная культура»; 6) «Общие свойства тел и веществ»; 7) «Животный мир»; 8) «Природные явления и объекты».

В первую ТМГ «Соматика и перцепция» входит лексика, мотивированная обозначениями внутренних органов, частей тела, особенностей внешности, словами с семантикой перцептивного восприятия, телесных ощущений и физиологических состояний и реакций. В качестве примера можно привести волог. *занутрѣть* ‘показаться противным’, ср. общерус. *нутро*; яросл. *перемотина* ‘чванливый, брезгливый человек’ ← ‘тощий, худой человек или животное’; сиб. *ободрать* ‘произвести неприятное, отталкивающее впечатление; покоробить’. Концептуализация с помощью этой группы образов в целом характерна для лексики эмоций, так как нечеткий мир чувств находит выражение через более конкретные «телесные» образы. Кроме того, имеет значение существование реальных реакций, связанных с той или иной эмоцией (например, дрожь от страха, покраснение от стыда и др.).

Однако для отвращения как наиболее «физиологичного» из всех исследуемых ощущений характерна специфика языкового представления с помощью лексем из названной ТМГ: здесь обнаруживаются подчеркнута «телесные» образы. Например, при наименовании отвращения душа и сердце в диалектах сближаются с органами пищеварения, ср. новосиб. *сёрдце не переваривает* ‘о чувстве отвращения, неприязни’.

брян. *душа вылазит у кого* ‘кто-л. испытывает тошноту, отвращение к чему-л., к кому-л.’.

В ТМГ «Эмоциональный, психический мир человека; поведение» входят слова, которые связаны мотивационными отношениями с лексикой, называющей различные эмоциональные состояния, ментальные действия, черты характера и действия человека. Например, с представлением о нежелании контактировать с объектом неприятия соотносится ленингр. *рачить* ‘брезговать’ ← ‘хотеть, желать’. Это слово развивает свое значение с помощью продуктивного в данном фрагменте языковой системы механизма энантиосемии, ср. смол. *гляно* ‘противно, неприятно’, в то время как обычно субъект неприятия стремится не смотреть на то, что вызывает у него неприятные чувства, как в перм. *неглядён* ‘о человеке, на которого неприятно глядеть’, морд. *ломать глаза* ‘смотреть на кого-л., на что-л. неприятное, нежелательное’, прикам. *не принимат на глаза* ‘испытывать сильную неприязнь к кому-л., отвращение к чему-л.’. Другие примеры энантиосемии: вят. *хваляшит* ‘брезгать’, ряз. *нехороший* ‘некрасивый, физически неприятный’, волог. *добрédный* ‘неприятный’ ← ‘красивый, имеющий приятную наружность’.

Самой объемной является подгруппа «Поведение», что связано с некоторыми особенностями восприятия отвращения в традиционной культуре. В частности, речь идет о том, что выражение чувства отвращения может осуждаться, о чем говорит экспрессивная внутренняя форма языковых фактов, ср. сарат. *забякать* ‘сделать гримасу, выражая отвращение к чему-либо’; арх. *брызгаться* ‘брезговать, активно выражать отвращение к чему-н.’ ← ‘плеваться’. При этом наиболее часто маркируется ситуация поведения за столом, когда гость излишне привередливо и даже брезгливо относится к предлагаемому ему кушанью: пск. *переборливый* ‘брезгливый’ (← *перебират* еду, выбирая то, что будет съедено), ворон. *грэбать* ‘брезгать’ (ср. *разгребать*). По-видимому, это связано с тем, что отказ от еды воспринимается хозяином дома как личное оскорбление, это задевает его честь.

В этой же ТМГ значима подгруппа «Черты характера, психологические особенности», что также связано с представлением о ненормативности выражения отвращения. Демонстрация брезгливости сопрягается в традиционном сознании с такой личностной чертой, как высокомерие, ср. например, костром. *чванистый* ‘брезгливый, высоко себя ставящий’), а также костром. *чупыриться* ‘брезговать едой’. Последнее, вероятно, имеет архаичную приставку *чу-* и корень *-пыр-*, который встречается в общерус. *рас-то-пырять* (с другим экспрессивным префиксом *то-*), костром. *пыреть* ‘расти, увеличиваться в размерах’, без указ. места *пыряться* ‘поднимать торчком шерсть, иглы и т. п., щетиниться’. Семантика же увеличения в объеме зачастую дает значение

гордости, надменности. С другой стороны, нельзя не отметить возможное влияние на костром. *чупыриться* ‘брезговать едой’ со стороны костром. *причепуриться* ‘принарядиться, придать себе более красивый вид (причесаться, напудриться, поддурманиваться и т. п.)’.

Представление о такой возможной черте брезгливого человека, как щегольство, подчеркивает и арх. *бодрунья* ‘капризная, брезгливая женщина’, соотносящееся с арх. *бодрунья* ‘хорошо одевающаяся женщина, модница’; семантический перенос указывает на народное видение нарядно одетого человека как высокомерно относящегося к окружающим и чурающегося повседневной деревенской работы. О таком направлении развития значения говорит этимология лексемы. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» считают праслав. **bьdrь(jь)* производным с суффиксом *-r-* от **bьděti*, ср. продолжения: др.-рус., рус.-цслав. *бьдѣти* ‘бодрствовать’, рус. стар. *бдеть* ‘проводить время без сна, бодрствовать’. Значение бодрости (наполненности энергией) в современном понимании возникает из представления о бодрствовании как отсутствии сонливости. Признак нарядного вида появляется на основе значения ‘бодрить, вызывать силы, веселить’ при актуализации сем ‘приятный’, ‘радостный’, ‘веселый’ в результате сходства полученных впечатлений.

Брезгливое поведение может восприниматься как капризное, о чем свидетельствует калуж. *кóбзовать* ‘брезговать’. Эта лексема имеет архаичный префикс *ко-* и корень *-бз-*; если учесть чередование *-быз-/-бз-* (прасл. **bьz-*), можно предположить, что этот корень содержится в вят. *быз* ‘плаксивый, капризный ребенок’, *бызѣть* ‘капризничать, плакать, хныкать’ (далее, по мнению А. Е. Аникина, связи ведут к глаголу *бызовать* ‘о рогатом скоте: беситься в летнюю жару от мошки, оводов и червей; бегать с неистовым ревом, метаться зря, задрав хвосты’, который восходит к звукоподр. **bьz-*). Вероятна принадлежность к этому же гнезду дон., волгогр., ряз. *скабѣзливый* и близких лексем, при этом консонантизм объясняется экспрессивным характером слова, а вокализм – широкой вариативностью чередования гласных, ср. волог. *бзливый* ‘избалованный, капризный’, дон. *скабызливый* ‘привередливый, слишком разборчивый (особенно в пище)’, ворон. *кабезиться* ‘вести себя высокомерно, чванливо’.

ТМГ «Общая оценка» объединяет в себе лексику, которая содержит во внутренней форме идею эмоционального отношения (пск. *нелю́бка* безл. сказ. ‘неприятно, противно’), идею обобщенной характеристики (киров. *некрасно́* ‘тяжело, неприятно’ ← яросл., арх., новорос., перм. *красно́* ‘красиво’), а также морально-этическую оценку объекта неприятия (перм. *страм, срам* ‘о ком-, чем-л., вызывающем неприязнь, отвращение’).

В ТМГ «Физические положения и перемещения» содержатся обозначения культурно нагруженных локусов и движений в пространстве. При этом наименования локусов, как правило, выступают в своем символическом смысле. Так, например, положение *против* чего-л. маркирует чуждость объекта чувствования, и потому его неприятность для субъекта, ср. волог. *испроти́веть* ‘сделаться противным, опротиветь’. Наименования же перемещений очень часто называют действие человека: отвращение побуждает отстраниться от того, что вызывает это неприятное ощущение, ср. нижегор. *до отворóту* ‘до отвращения (наестся, накормить и т. п.)’.

ТМГ «Материальная и духовная культура» распадается на две крупные подгруппы. «Материальные» образы, как правило, указывают на объекты действительности, которые вызывают отвращение: твер. *смерёд* ‘неприятный запах’, сев.-двин. *вóнеть* ‘неприятный запах, вонь’. Наименования из сферы духовной культуры также могут обозначать объекты неприятия. Скажем, тверская лексема *мири́ть* ‘брезговать’, по-видимому, возникает в связи с особым хозяйственным стилем старообрядцев, ритуальной чистотой и невозможностью контактировать с «мирскими» в этой сфере жизни, ср. перм., твер. *мири́ть* ‘осквернять посуду староверов, т. е. есть и пить из нее мирскому человеку, исповедующему православие’.

В ТМГ «Общие свойства тел и веществ» в качестве мотивирующей выступает сфера характеристик объекта неприятия, таких как цвет, форма, вес, общее состояние и др. Например, с идеей отвратительного коррелирует признак твердого, жесткого, ср. твер. *коржа́вый* ‘неприятный в каком-н. отношении (о человеке, животном)’, которое сопоставляется с новг. *коржа́вый* ‘шершавый, негладкий на ощупь’.

Для ТМГ «Животный мир» в рамках данного лексического множества характерны в качестве мотивирующих обозначения преимущественно «нечистых» животных – грызунов, пресмыкающихся, насекомых, ср. арх. *га́довать* ‘брезгать, быть противным до тошноты’ (ср. общерус. *гад*), смол. *гидиться* ‘испытать отвращение к чему (кому)-либо, брезгать’ (от прасл. **gud-*, родственного **gad-*).

В ТМГ «Природные явления и объекты» может также получать характеристику объект неприятия, как в твер. *сля́коть* ‘мерзость’. Однако здесь же именуется внутреннее состояние субъекта чувствования, при этом реализуется продуктивная в языке метафора: например, вят. *мозгли́вый* ‘брезгливый’, которое связано с костром. *мо́злый* ‘о погоде: пасмурная, часто с мелким дождем’, ср. общерус. *хмурый вид, солнечное настроение*.

Другой пример – это волог., костром., киров. *ха́рмовать* ‘брезговать’. На тех же территориях фиксируется гнездо *харма*, в котором

встречаются значения 'иней', 'изморозь', 'покрыться наледью', 'снег', 'о холодной / морозной / туманной погоде', 'плесень', 'лишайник на дереве', 'цветущая поверхность воды'. Обозначенное гнездо С. А. Мызников и А. К. Матвеев возводят к финно-угорским языкам, например С. А. Мызниковым приводятся такие соответствия, как фин. *härmä*, эст. *härm*, люд. *härm*, ижор. *härme* 'иней', кар. *härmy*, кар. твер. *härme*, *härmä* 'иней', ливв. *härmi* 'иней', при водск. *ärmä* 'о желтеющей склизкой воде', ливск. *ärmä* 'иней, гололед', водск. *härm* 'иней, изморозь', 'тонкий слой чего-л.' заимствовано из ижор. Значения финно-угорских лексем заставляют полагать, что семантика брезгливости возникла уже в русских диалектах на основе метеорологических значений. Действительно, как было показано выше, переход 'о плохой погоде' → 'о брезгливости, отвращении' существует в русском языке; мотивационно значимым в случае с волог., костром., киров. *хáрмовать* 'брезговать' становятся наименования холода, мороза и тумана, а также сопутствующих им явлений (иней, изморозь, наледь), которые присутствуют в гнезде *харма*.

Параграф «К вопросу о темной и заимствованной лексике со значением отвращения» содержит описание лексем, которые на данном этапе исследования имеют спорные этимологические решения или не имеют их совсем: морд. *ссувориться* 'скривить рот, губы в знак недовольства, пренебрежения', зап.-брян. *ледáщина* 'о плохой, негодной вещи или человеке; дрянь, гадость', сиб., тобол., перм., новг. *мóрдовать* 'чувствовать отвращение, брезговать, гнушаться'.

В последнем параграфе «Выводы» приводятся итоги относительно содержания всей главы: сопоставляется наполненность разных ТМГ, выявляются сквозные модели, характерные для нескольких тематико-мотивационных групп, делаются выводы лингвопрагматического характера.

Вторая глава «Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значением неприязни» посвящена описанию соответствующего фрагмента лексической системы.

Структура всех глав диссертации идентична. Подобно тому, как это было в главе 1, в первом параграфе «Прототипическая ситуация неприязни и ее языковое воплощение» главы 2 представлен материал, содержащийся в исследуемом лексическом множестве.

В литературном языке названные смыслы воплощают такие слова, как *антипатия*, *неблагожелательно*, *неблагожелательность*, *неблагожелательный*, *невзлюбить*, *недоброжелатель*, *недоброжелательница*, *недоброжелательно*, *недоброжелательность*, *недоброжелательный*, *недоброжелательство*, *недолюбливать*, *недружелюбие*, *недружелюбно*, *недружелюбный*, *недружно*, *недружный*, *нелюбимый*, *нелюбовь*, *неприятенно*, *неприятенность*, *нерасположение*,

постылый. С опорой на эти слова производился поиск диалектных лексем и фразеологизмов.

Для собранного диалектного материала были выделены такие компоненты прототипической ситуации, как «собственно ощущение неприязни» (твер. *назóла* ‘неприязнь’, новг. *отворотитъ* ‘о чувстве неприязни к кому-л.’), «субъект эмоционального отношения» (прибайкал. *сведёныши* ‘недружно живущие люди’, орл. *необоюдный* ‘недоброжелательный, неприязненно относящийся к кому-л.; недружелюбный’), «объект эмоционального отношения» (ср.-урал. *притча* ‘о человеке с каким-либо вызывающим неприязнь недостатком (физическом, в поведении, характере)’, новг. *супостáтель* ‘нелюбимый человек’), «эмоциональные межличностные отношения» (ряз. *рénка* ‘неприязненные отношения между кем-л.’, арх. *забодáться* ‘о недружном совместном проживании’), «поведенческое выражение эмоционального отношения» (забайкал. *перётить* ‘вести себя недоброжелательно, неприязненно’, вят. *перегудáть* ‘разговаривать о ком-либо (обычно недоброжелательно), высказывать что-либо нелестно насчет других’), «действия, направленные на возбуждение эмоционального отношения» (волог. *начмутитъ* ‘сплетнями вызвать ссоры, раздор, взаимное недоброжелательство’, онеж. *откидывать* ‘возбуждать в ком-либо отвращение или неприязнь к кому-, чему-либо (по суеверным представлениям, с помощью колдовства), отвращать’), «взаимодействие субъекта и объекта ощущения» (курск. *в остылицу войти кому-либо* ‘вызвать чью-либо неприязнь’, сиб., иркут., арх. *отстуживать* ‘вызвать неприязнь к себе, нежелание общаться’).

Во втором параграфе «Мотивационный анализ лексики со значением неприязни» представлено исследование семантико-мотивационных отношений лексем и фразеологизмов, составляющих лексическое множество «Неприязнь». Материал подается по тематико-мотивационным группам.

ТМГ «Соматика и перцепция» содержит значительное число языковых фактов, что, как уже было отмечено, в принципе характерно для лексики эмоций. Однако здесь меньше подчеркнута «физиологических» образов, чем в лексике отвращения, поскольку неприязнь представляется менее «телесной» эмоцией, ср. краснояр. *сердца* ‘неприязнь, ссоры’. Другой пример – описание особенностей внешнего вида недоброжелательного человека с помощью забайкальской лексики *калты́к* ‘недоброжелательный, неприязненно настроенный человек’, которое, по видимому, связано с забайкал. *калты́к* ‘кадык’. Переход, вероятно, обусловлен наблюдением за нервным поведением мужчин, когда они двигают кадыком. С другой стороны, возможно, в данном случае мотивационно значимой является семантика забайкал. *калты́к* ‘расширение щитовидной железы, зоб’: так реализуется бранное

употребление лексемы, ср. *жѣлви* север., вост., олон., волог., новг. 'гипертрофированные железы на шее (обычно золотушного происхождения)' и олон., волог. 'бран. плохой, дурной, мерзкий человек'.

По наполненности в рамках данного лексического множества также лидирует ТМГ «Эмоциональный, психический мир человека; поведение», однако внутри группы не наблюдается разнообразия корней и моделей развития значения. Численное превосходство данной ТМГ создается во многом за счет большого числа продолжений праслав. **l'ub-*, ср. без указ. места *неслюбчивый* 'недружелюбный, неуживчивый', твер. *недолюбок* 'тот, кто недолюбливает других', *нѣлюб* 'нелюбимый муж или жених'.

Значительной наполненностью характеризуется подгруппа «Поведение», поскольку, по-видимому, формы проявления негативного отношения к кому-чему-л. в принципе обращают на себя внимание и зачастую осуждаются, ср. ср.-урал. *бутузиться* 'хмуро, недружелюбно смотреть', бурят. *синдибобером глядеть* 'смотреть на кого-л. зло, неприязненно'. Мордовская лексема *челядинный* 'недоброжелательный, вредный', возможно, несет в себе идею шумного, скандального поведения со стороны неприязненно настроенных людей. Такой вывод происходит из соотнесения данной лексемы с морд. *челяда* 'детвора' через ступень 'большая компания' (в которой и явлена семантика шума, крика), ср. новг. *челяда* 'подростки' и 'группа, кучка'. Однако, говоря об особом внимании языка к манифестации в лексике представлений о формах поведения, скажем, конечно, и о том, что зыбкий эмоциональный мир зачастую обнаруживает себя в действиях человека, и именно по этой причине их обозначения становятся мотивирующими для эмотивной лексики.

Обращает на себя внимание наличие ТМГ «Социальная жизнь» (не представленной в рамках лексического множества «Отвращение»). Все лексемы, относящиеся к этому разделу, связаны мотивационными линиями, которые объединяются идеей взаимодействия людей в обществе. Неприязнь при этом соотносится с прерыванием социальных связей, исключением человека из данного социума, ср. арх. *несвочатый* 'о недружелюбном, замкнутом человеке; о человеке, который не поддерживает семейные отношения' (< *не свой*). Разрушается «общественное» пространство, ср., например, перм. *под поро́гом жить (расти)* 'быть нелюбимым, презираемым членом семья', волог., арх., перм., сиб. *углан* 'угрюмый, недоброжелательный, злой человек' (то есть находящийся «в углу», не в общем пространстве избы). Сюда же курск., калуж., ворон. *несуютный* 'недружный, несогласный', орл. *неусуютный* 'недружная, без лада, согласия (о семье)', которые, как кажется, имеют приставку *не-*, архаичный префикс *су-* с семантикой совместности и корень *-ют-*, реализующийся в общерусск. *ютиться* 'быть расположенным,

помещаться где-нибудь на небольшом пространстве», а также русск. диал. *юта́ться* ‘находиться’ и др. Таким образом, недоброжелательно настроенные люди оказываются не способными находиться в совместном, общем пространстве.

При возникновении неприязни перестают выполняться важнейшие социальные действия, люди не советуются и не стремятся прийти к согласию (орл. *необою́дный* ‘недоброжелательно, неприязненно относящийся к кому-л.; недружелюбный’).

При этом значим тот факт, что в рамках лексического множества «Отвращение» также присутствовало наименование различных культурно нагруженных ситуаций (скажем, гощение и угощение), однако в том случае речь не шла о разрушении социальных связей.

В ТМГ «Общая оценка» внутренняя форма лексем передает представления о собственно эмоциональном состоянии (например, о негативной оценке недоброжелательности в культуре, как в пск. *нехорошо́* ‘недружно’), свойствах субъекта и объекта неприязненности, ср. новг. *неблаго́жий* ‘непорядочный, несимпатичный’ ← олон., перм., курск., азерб. (рус.) *благо́й* ‘хороший, добрый (чаще о человеке)’.

ТМГ «Физические положения и перемещения» включает преимущественно модели, сходные с уже описанными в рамках лексического множества «Отвращение». Неприязнь также связывается с положениями напротив (волог., новг. *супроти́вный* ‘постылый’), поперек (забайкал. *перети́ть* ‘вести себя недоброжелательно, неприязненно’), в разные стороны (волог. *врозкомелицу́ жить* ‘несогласно, недружно’ ← ‘комлями врозь, в разные стороны’) и др.; чувство неприятия побуждает прерывать контакты (арх. *отки́дывать* ‘недолюбливать’).

ТМГ «Материальная и духовная культура», с одной стороны, символически представляет поведение неприязненно настроенного человека с помощью «материальных» образов (печор. *как злая́ ме́льница* ‘недоброжелательный, злой человек’). Бо́льшая же часть номинаций здесь принадлежит сфере духовной культуры. Недоброжелательный человек сопоставляется с мифологическими персонажами: волог. *лихомáнка* ‘недоброжелательная, неприятная особа’, ср. яросл. *лихомáнник* ‘в суеверных представлениях – сверхъестественное существо, живущее в лесу, леший’, новг., волог. *ли́хо* ‘нечистая сила, черт’.

В ТМГ «Общие свойства тел и веществ» внутренняя форма слов метафорически передает представления о неприятии. Например, с недоброжелательностью символически связывается черный цвет (арх. *чёрная деревня́* ‘недружное деревенское общество’). Негативное оценочное наполнение категории каритивности, описанной С. М. Толстой, вероятно, реализуется в прибайкал. *с недобóром* ‘с недовольством, с неприязнью’, ср. прост. *паску́дный* ‘мерзкий, гадкий’, которое

сопоставляется со *скудный, скудеть*). Отметим, однако, что в данном случае возможно также предполагать контаминацию с *недобрый*.

В ТМГ «Животный мир» содержатся лексемы, которые созданы по модели, сопоставляющей поведение неприязненно настроенных людей и животных. Преимущественно передается идея различного рода агрессии, как в твер. *отбрыхнуть* ‘показать неприязнь своим поведением’ ← твер. *отбрыхваться* ‘отбивать рогами’; морд. *шобраский* ‘недоброжелательный, вредный’ ← татар. (рус.) *шобырыский* ‘грубый (о шерсти)’. Если в рамках лексического множества «Отвращение» в данной ТМГ преимущественно содержалось указание на объект неприятия, то представления о неприязни как более «ментальной» эмоции, нежели «телесной», к этой модели не обращаются. При работе с лексикой неприязни встречаем только метафорическое осмысление поведения человека и его внешнего вида.

Большой «сосредоточенностью» неприязни на психике, нежели на теле человека, объясняется и специфика воплощения смыслов в ТМГ «Природные явления и объекты». Здесь обнаруживается небольшое количество языковых фактов, значения которых чаще не связаны с внутренним состоянием человека, ср. арх. *сóгра* ‘недоброжелательный человек’: здесь негативная семантика возникает на базе отрицательных коннотаций слова в «географических» значениях – ‘заболоченное место’, ‘сырое место’, ‘непроходимый лес’.

В параграфе «К вопросу о темной и заимствованной лексике со значением неприязни» приводится список слов, этимологическая интерпретация которых входит в перспективы исследования (например, ряз. *понахаться* ‘пренебрегать кем-л., недолюбливать; издеваться над кем-л.’).

В параграфе «Выводы» подробно рассматривается наполненность выделенных тематико-мотивационных групп, сквозные модели развития значений, особенности проявления точки зрения во внутренней форме слов лексического множества «Неприязнь».

В третьей главе «Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значением вражды» рассматривается лексика и фразеология, принадлежащая обозначенному фрагменту языковой системы.

В первом параграфе «Прототипическая ситуация вражды и ее языковое воплощение» дается базовое представление о том, как в диалектном языковом материале воплощается идея вражды и враждебного отношения.

Ключевыми понятиями в рамках данного лексического множества являются понятия *вражды* и *соперничества*. Эти слова объединяются на основании сем «быть связанными в одной сфере действительности», «иметь противоположные цели или взгляды», «занимать противоположные

позиции», «постоянно совершать действия, направленные друг против друга». Речь, однако, идет не о любом соперничестве, а лишь о соперничестве в любви и любовном выборе, ср., например, волог. *перебёюшка* 'девушка, стремящаяся отбить парня у другой девушки', костром. *перебо́рщица* 'разлучница, соперница'. Как кажется, в языковом воплощении именно этого вида соперничества присутствует семантика максимального негативного отношения. Кроме того, данные смыслы весьма «полнокровно» обнаруживают себя в русских диалектах.

Поиск диалектных лексем осуществлялся с опорой на такие слова литературного языка, как *враг, враждебно, враждебный, враждовать, недруг, неприятель, противник, соперничать, соперничество, соперник, соперница*.

Итак, прототипическая ситуация вражды включает в себя следующие компоненты: «эмоциональные межличностные отношения и поведенческое выражение эмоционального отношения» (ленингр. *кось* 'вражда', арх. *в занóзе быть* 'враждовать'), «субъект эмоционального отношения» (диал. шир. распр. *супротівник* 'противник, враг, неприятель', новг., ленингр., волог., яросл., орл. *супостáтка* 'соперница в любви'), «каузатор враждебных межличностных отношений и действия, направленные на возбуждение негативного эмоционального отношения» (орл. *смустіть* 'возбудить вражду, поссорить', прибайкал. *подсеву́ха* 'человек, любящий сеять раздор, вражду').

Во **втором параграфе «Мотивационный анализ лексики со значением вражды»** рассматривается происхождение слов исследуемого лексического множества, делаются выводы этнолингвистического характера на основании закономерностей семантических переходов.

ТМГ «Соматика и перцепция» гораздо менее заполнена в лексическом множестве «Вражда», нежели в других множествах, рассматриваемых в работе. Приведем некоторые примеры: тамб. *насердім* 'недоброжелатель, враг', иркут. *обострі́ться* 'враждебно настроиться, разозлиться на кого-л.' etc. Малая наполненность объясняется тем, что вражда включает не только чувство, но и обусловленные негативным отношением к кому-чему-л. действия, которые обычно не концептуализируются в языке с помощью «телесных» образов.

В составе ТМГ «Эмоциональный, психический мир человека; поведение» можно увидеть взаимосвязи враждебности с другой эмоцией, связанной с крайне негативным отношением к кому-чему-л., а именно с ненавистью. Однако наибольшее место здесь занимает описание враждебного поведения, ср. кубан., бурят. *рука́ руку́ минует* 'о вражде, ссоре между кем-л.'; перм. *перемо́та (перемо́ты) класть* 'ссорить людей, сеять вражду', ср. без указ. места *перемо́та положить* 'заставить замолчать, «перевязать язык»'. Костром. *смотреть копрóm* 'смотреть угрюмо, враждебно, волком', вероятно, следует соотносить с

волог. *стоять копрóm* ‘стоять торчком, быть приподнятым (о сене, которое сушат на лугу)’, волог. *копёр* ‘стог из недостаточно просохшего сена, сметанный на поставленный шатром суковатые держи’. Мотивационно значимым оказался признак кладки сена, когда из общего вороха выступают колья, как бы оцетинившись.

При этом важно отметить, что в рамках лексики вражды возникает мотив физической агрессии против объекта неприятия (вят. *поты́ка* ‘вражда, неприязнь’, смол. *навгрудки* ‘враждебно, устремляясь в драку’ ← ‘сойдась грудью в схватке’) и причинения ему вреда (яросл. *лиходёйка* ‘соперница’), чего не обнаруживалось в других лексических множествах.

ТМГ «Социальная жизнь» наиболее объемна как в рамках данного лексического множества, так и в сравнении с другими рассмотренными в работе, что неудивительно, поскольку именно вражда представляет собой наиболее «заостренный» тип взаимоотношений, и потому оказывает, кажется, наибольшее влияние на контакты между людьми. В пример слов из данной ТМГ можно привести южносибир., иркут., сиб. *усóбник* ‘человек, затевающий ссоры, находящийся в состоянии вражды, враждующий человек’ (< у себя), смол. *падру́г* ‘недруг (где префикс *па-* имеет значение подобия, поддельности), ср. сходную модель сиб., свердл., перм. *сведённики* ‘постоянно ссорящиеся между собой люди; враги’ при том., свердл. *свёденник*, сиб., том., алт., курган., перм. *сведённик* ‘сводный сын или брат’ (т. е. «ненастоящий» сын или брат).

В ТМГ «Общая оценка» содержатся лексемы, указывающие на эмоциональную характеристику объекта враждебного отношения, ср. образованное с помощью механизма энантиосемии новг. *любíмка* ‘соперница в любви’, т. е. «та девушка, которую ненавидит вторая участница любовного треугольника». Такая модель в принципе характерна для фольклорных текстов, ср. параллелизм номинаций: с одной стороны, *Супостатку Аннушку / Давай запремте в банюшку, / Замок зложим на пробой, / Чтобы не шла на перебой, а с другой, Я подружку Манюшку / Запирала в банюшку; / Клала цепку на пробой: / Не ходи на перебой.*

В ТМГ «Физические положения и перемещения» повторяются уже описывавшиеся модели развития значения в предыдущих главах. Однако обращает на себя внимание то, что в рамках данного лексического множества пространственные образы могут приобретать значение физического противостояния между соперниками, ср. арх., сев.-двин., волог., новг., зап.-брян., смол., яросл., костром., вят., иркут. *супротивник* ‘противник, враг, неприятель’, т. е., буквально, «человек, стоящий напротив, готовящийся к атаке»; сюда же без указ. места *сва́диться* ‘ссориться, браниться, враждовать’, пск. *встрéчник* ‘противник в споре или враг’. Таким образом в ТМГ «Физические

положения и перемещения» дублируются смыслы, представленные в ТМГ «Поведение».

ТМГ «Материальная и духовная культура» представлена преимущественно лексемами, мотивированными обозначениями мифологических персонажей: арх. *забесі́ться* ‘начать проявлять враждебность, недоброжелательность’, вят. *сатанá* ‘о человеке, поступки и поведение которого становятся причиной вражды между людьми’.

Единственная лексема из сферы материальной культуры – это прибайкал. *подсе́вуха* ‘человек, любящий сеять раздор, вражду’. Данное слово имеет сложную мотивацию. С одной стороны, кажется, стоит учесть волог. *подсева́ть* ‘подбрасывать на чужое поле горсть зерна’. Свидетельство о подобном способе причинения вреда присутствует в культуре: известно о веровании, согласно которому колдун подбрасывает на поле костру, чтобы причинить вред посевам (ср. также библейскую притчу о добром сеятеле и плевелах). С другой стороны, прибайкал. *подсе́вуха* укладывается в модель семантического развития, в рамках которой представления о речевых действиях передаются с помощью «производственной» метафоры, как в *подсева́ть* амур. ‘лстить’, прибайкал. ‘лицемерить’, прикам. ‘поддакивать’, прибайкал. *сеять-подсева́ть* ‘сплетничать’. В таком случае семантика разжигания вражды включается в модель, описывающую негативные речевые действия.

В ТМГ «Общие свойства тел и веществ» внутренняя форма слов маркирует некоторые свойства субъектов вражды. Например, с помощью символики цвета сообщается о злобе таких людей (печор. *чёрный челове́к, чёрный наро́д* ‘злые, враждебно настроенные люди’); мотив «раздирания» указывает на конфликты (арх. *в заді́р* ‘(в роли главного члена) в состоянии спора, ссоры, вражды’).

ТМГ «Животный мир» метафорически представляет действия враждебно настроенных людей. Например, здесь присутствует идея драки и вербальной агрессии, ср. арх. *жить как соба́ка с ко́шкой (как ко́шка да соба́ка, как соба́ки)* ‘находиться в плохих отношениях с кем-н., постоянно ссориться, враждовать’. Перм. *в ко́шки-дебóшки* ‘неприятно, враждебно; в штыки’) имеет редупликативную структуру: второй (опорный) компонент выражения, по-видимому, связан с разг. *дебош*, а притяжение к нему первого компонента связано с наблюдением над агрессивным поведением дерущихся кошек.

ТМГ «Природные явления и объекты» в рамках данного лексического множества практически не представлена, что связано, по-видимому, с тем, что вражда в значительной степени ориентирована не только на тело человека или его психоэмоциональный мир, но еще и на поведение. Один из малого числа примеров – новг. *задры́жина* груб. ‘соперница в любви’, которое, возможно, связано с петерб., ростов., яросл., влад., тул. *задры́згаться* ‘забрызгаться грязью; испачкать в чем-либо

жидком’: с грязью метафорически сравниваются «нечистоплотные» поступки соперницы, которая пытается заставить себя полюбить парня, встречающегося с другой девушкой.

В параграфе «К вопросу о темной и заимствованной лексике со значением вражды» приводятся существующие версии относительно некоторых слов, неоднозначных с точки зрения происхождения (костром. *склѣма* ‘ссора, вражда, драка’, тамб., ряз., дон. *рѣнка* ‘вражда, ненависть, злоба’), а также перечисляются те слова, которые в настоящий момент не имеют этимологии (курск. *рындováть* ‘враждовать, жить недружно’, костром. *шардóнка* ‘мифическое существо, демон, враждебный человек’).

В последнем параграфе главы приводятся выводы.

В заключении подводятся итоги диссертационного сочинения, предлагаются перспективы дальнейшего исследования.

Наиболее масштабно в диалектной лексической системе русского языка воплощается идея отвращения по сравнению с идеями неприязни и вражды (около 950 собранных языковых единиц против около 300 и 250 соответственно). Такое положение дел объясняется несколькими причинами. Во-первых, дискурс вражды как наиболее «заостренного» из всех возможных типов взаимоотношений между людьми кажется не очень популярным для деревенского традиционного социума, которое характеризуется определенной степенью социальной однородности и взаимодействия. С другой стороны, активность пласта лексики, обозначающей отвращение, обусловлена его взаимосвязью с некоторыми культурно нагруженными ситуациями, такими как гощение, поведение за столом и в быту.

Распределение лексики по ТМГ с точки зрения мотивационно-этимологических отношений вскрывает как сходства в осмыслении исследуемых понятий, так и различия. Например, для лексических множеств «Отвращение» и «Неприязнь» очень характерно выражение смыслов с помощью «соматических» и «перцептивных» образов. Для лексического множества «Вражда», напротив, ТМГ «Соматика и перцепция» не релевантна, поскольку вражда в значительной степени ориентирована на действия человека. Именно поэтому, когда речь идет об этом типе неприятия, особенно активизируются «поведенческие» и «социальные» образы.

Несмотря на разнообразие существующих в рамках лексики со значением неприятия, отторжения мотивационных моделей, особенно обращают на себя внимание некоторых из них, которые повторяются сразу в нескольких тематико-мотивационных группах. В частности, реализуются мотивы внешнего выражения недовольства, причинения вреда объекту неприятия, прерывания контакта с ним, а также мотив физического дискомфорта при встрече. В целом эти мотивы повторяют и подтверждают

уже выявленные в ходе анализа тематико-мотивационных групп представления о неприятии, отторжении, воплощенные в языке.

В заключении также перечисляются итоги семантико-мотивационного и этимологического анализа некоторых лексем, входящих в обозначенные лексические множества. Например, речь идет о таких словах, как калуж. *кóбзовать* ‘брезговать’, дон. *скабéжливый* ‘брезгливый’, пск., твер. *посв́рывать* ‘привередничать, брезговать’, костром. *чупы́риться* ‘брезговать едой’, волог. *ха́рмовать* ‘брезговать’ и др.

В завершение указываются перспективы исследования: ▪ прояснение мотивационных связей и этимологии «темных» лексем, не проинтерпретированных пока нами; ▪ сопоставление диалектной лексики и лексики литературного языка с целью выявления различий в осмыслении негативного отношения к кому-чему-л. современным, городским сознанием и традиционным, деревенским; ▪ рассмотрение лексики, воплощающей представления носителей языка о положительном полюсе исследуемых ощущений – «приятии».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Малькова Я. В. К семантико-мотивационной интерпретации русской диалектной лексики со значением брезгливости (*посвирывать, кобзовать, скабежливый* и др.) / Я. В. Малькова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 264–275; 0,7 п. л. (WoS).

2. Малькова Я. В. К семантико-мотивационной интерпретации русской диалектной лексики со значением неприязни, вражды (*озорочье, подсевуха, зуб грызть*) / Я. В. Малькова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 9 (455). – Филологические науки. – Вып. 126. – С. 83–88; 0,5 п. л.

3. Малькова Я. В. Языковой образ недоброжелательного человека (на материале русских говоров): семантико-мотивационный аспект / Я. В. Малькова // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 462. – С. 22–30; 1,3 п. л. (WoS).

4. Малькова Я. В. Мотивационное своеобразие лексики вражды в говорах Русского Севера / Я. В. Малькова // Мир русского слова. – 2020. – № 3. – С. 40–45; 0,6 п. л.

5. Малькова Я. В. Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера) / Я. В. Малькова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2019. – Т. 11, вып. 3. – С. 47–56; 1,1 п. л.

6. Малькова Я. В. К семантико-мотивационной интерпретации русских диалектных продолжений праслав. **bьdr-* / Я. В. Малькова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10, вып. 4. – С. 43–52; 1,1 п. л.

7. Малькова Я. В. Пространственные образы в обозначениях чувства отвращения, неприятия (на материале лексики русских народных говоров) / Я. В. Малькова // Научный диалог. – 2018. – № 12. – С. 119–132; 0,8 п. л. (WoS).

8. Малькова Я. В. Мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значениями ‘брезговать’, ‘гнушаться’, ‘пренебрегать’ / Я. В. Малькова // Научный диалог. – 2016. – № 2 (50). – С. 89–101; 0,8 п. л.

Другие публикации:

9. Малькова Я. В. К этимологии рус. диал. *хърмовать* ‘брезговать’ / Я. В. Малькова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы V Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г. / [редкол.: Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. – С. 169–174. – Текст : электронный; 0,2 п. л.

10. Малькова Я. В. К этимологии некоторых диалектных лексем с семантикой брезгливости / Я. В. Малькова // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы Международной конференции 29–31 октября 2021 г. / [редкол.: О. Е. Кармакова (отв. ред.) и др.]. – М. : Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2021. – С. 144–146; 0,1 п. л.

11. Малькова Я. В. О семантико-мотивационных связях экспрессивной лексики с семантикой брезгливости, капризности (*чувыриться, чупыриться, чуфыриться* и др.) / Я. В. Малькова // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.) : тр. и матер. Т. 2 / под общ. ред. Р. Р. Замалетдинова, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2021. – С. 124–130; 0,2 п. л.

12. Малькова Я. В. К семантико-мотивационной интерпретации лексики, обозначающей недоброжелателя (на материале севернорусских говоров) / Я. В. Малькова // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13–14 октября 2020 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. – М. : Институт славяноведения РАН, 2020. – С. 188–193; 0,2 п. л.

13. Малькова Я. В. Социальный код в лексике со значением неприязни (на материале говоров Русского Севера) / Я. В. Малькова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тезисы докладов Международного научного семинара (Екатеринбург, 13 мая 2020 г.). – Екатеринбург : Ажур, 2020. – С. 36–37; 0,07 п. л.

14. Малькова Я. В. Характеристики субъектов вражды (на материале записей диалектной речи) / Я. В. Малькова // Своё – чужое: опыт культурного взаимодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения» – XVI / ред. кол. И. А. Подюков, А. В. Черных, С. В. Хоробрых. – Усолье, 2020. – С. 17–20; 0,2 п. л.

15. Малькова Я. В. Семантические особенности русской диалектной лексики со значением неприятия, отторжения / Я. В. Малькова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 210–212; 0,1 п. л.

16. Березович Е. Л., Малькова Я. В. К изучению мотивации русской диалектной лексики со значениями ‘брезговать’, ‘гнушаться’, ‘пренебрегать’ / Е. Л. Березович, Я. В. Малькова // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе : Тезисы докладов Международной конференции 30 октября – 01 ноября 2015 г. / отв. ред. О. Е. Кармакова. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. – С. 19–21; 0,1 п. л. / 0,07 п. л.